

Н.С. Хоч, Н.А. Штена

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЛИЧНОСТИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Томский государственный педагогический университет

Большинством современных концептуальных подходов к изучению психологических механизмов становления половой идентичности и полоролевого развития человека (теория социального научения [1], теория идентификации [2], теория когнитивного развития [3], «новая психология пола» [4–6] и др.) признается, что результат усвоения и принятия ребенком и подростком установок, связанных с выполнением гендерной роли, а также самооценка молодого человека и выбираемые им варианты поведения (т.е. гендерная самоидентификация/типизация в терминах концепции С. Бем) в значительной мере определяются существующими в его социальном окружении культурными представлениями о женственности (феминности) и мужественности (маскулинности) и представлениями о мужских и женских ролях, принятыми в обществе.

Ключевой характеристикой последних десятилетий является массовое включение женщин в различные сферы общественной жизни. Женщины шаг за шагом осваивают новые для себя занятия и виды общественной деятельности, успешно конкурируя с мужчинами [7, 8]. Эти социально-экономические изменения влекут за собой глубокие социокультурные сдвиги, в том числе в гендерных стереотипах и поведении современных мужчин и женщин. Как полагают российские социологи и психологи [9–11], в России, как и в других странах мира, многие традиционные различия мужского и женского гендерных образов, вступая в явное противоречие с реалиями общественной жизнедеятельности, перестают быть жесткой социальной нормой. Процессы социально обусловленных трансформаций гендерных ролей прежде всего затрагивают молодые поколения, которые составляют и определяют будущее общества.

В связи с этим одной из актуальных задач современной психологии является определение характера гендерных трансформаций личности молодых мужчин и женщин.

Наше понимание гендерного типа личности близко к понятию *gender personality* в англоязычной литературе [5, 6]. Под гендерным типом в данном контексте подразумевается совокупность личностных характеристик, описывающих человека как феминного, маскулинного, андрогинного или недифференцированного (неопределенного) по пси-

хологическим качествам и предпочитаемым им паттернам полоролевого поведения.

Работы отечественных психологов [12, 13] позволяют выявить личностные качества, входящие в характерные для российской культуры конструкты «феминность» и «маскулинность». Так, к традиционно женским качествам относятся склонность к концентрации на чувствах, проявление эмоций (экспрессивность), стремление разделить их с другими. Представление же о мужественности включает такие личностные особенности, как стремление быть неземным, не проявлять признаков слабости, обсуждая свои проблемы с другими, а также отгородиться от негативных переживаний, концентрируясь на чем-то другом. В коммуникативной сфере феминным признаком считается большая направленность на межличностное общение, а маскулинным – инструментальность, ориентация на групповое общение и соблюдение норм. Кроме того, мужской образ в большей степени характеризует экстраверсия, включающая поиск ощущений и доминантность, а женский – дружелюбность и отзывчивость. Женский стереотип включает также такие черты, как мягкость, чувствительность, капризность, мечтательность, неуверенность в себе, эстетическую ориентированность, импульсивность и демонстративность. Образ «настоящего мужчины» соответствует рациональности, практичности, некоторой грубоватой нечувствительности, толстокожести [14].

В нашем исследовании приняли добровольное участие 310 человек: 140 юношей и 170 девушек в возрасте от 17 до 22 лет. Контингент испытуемых составили студенты разных курсов и факультетов Томского государственного педагогического университета, Сибирского государственного медицинского университета, Томского политехнического университета, политехнического техникума, а также учащиеся выпускных классов некоторых школ г. Томска. Такое разнообразие участников исследования позволило осуществить достаточно широкий срез современной молодежной среды, не принимая во внимание профессиональную обусловленность гендерных конструктов, и выявить общие тенденции, характерные для современной молодежи.

Для диагностики гендерного типа личности участников исследования был использован модифицированный вариант опросника, разработанного

на основе BSRI (Bem Sex Role Inventory) [15], а также результаты исследований гендерных образов мужчины и женщины, характерных для российской культуры, которые были осуществлены московскими психологами Е.М. Дубовской и О.А. Гаврилицей [16]. Выбор опросника BSRI (а также его модифицированной версии) был обусловлен следующими концептуальными положениями [5]:

– конструкторы маскулинности и феминности – не полюсы одного и того же континуума, а являются независимыми измерениями;

– субъект в процессе социализации усваивает социальные конструкторы феминности и маскулинности в качестве рамки/схемы для конструирования собственной личности и интерпретации окружающих явлений;

– поскольку маскулинность и феминность являются социокультурными феноменами, то конструкторы теста должны включать семантические единицы, характеризующие представления конкретного общества о маскулинности и феминности.

Данный инструментарий содержит перечень 60 качеств, 20 из них отражают маскулинные качества, 20 – феминные и 20 – нейтральные. Он позволяет измерить показатели феминности и маскулинности путем самоопределения респондентами выраженности у себя тех или иных качеств по 20-балльной шкале с последующим переводом в систему категориальной оценки «высокий» – «низкий» [15]. В этой системе оценки индивидуальные показатели феминности и маскулинности, близкие к медиане или превышающие ее, считаются «высокими»; показатели меньшие, чем медиана, считаются «низкими». Таким образом, могут быть выделены четыре гендерных типа личности: маскулинный (сочетание высокой маскулинности с низкой феминностью), феминный (низкая маскулинность – высокая феминность), андрогинный (высокая маскулинность – высокая феминность) и неопределенный (низкая маскулинность – низкая феминность).

Математико-статистическая обработка данных проведена с использованием пакета программ «Statistica 5.5».

В рамках данного подхода были сопоставлены средние групповые показатели выраженности гендерных качеств личности юношей и девушек. Для группы девушек сумма средних балльных оценок феминных и маскулильных качеств составила 499 ± 11 (из 800 возможных баллов), а у юношей значение этого параметра было существенно меньшим – 429 ± 13 баллов. Более детальный анализ показал, что для мужчин характерно значимое превосходство средних групповых показателей маскулинности над показателями феминности (247 ± 7 против 182 ± 8 баллов), что, на первый взгляд, свидетельствует о доминировании маскулильных ка-

честв в гендерной структуре личности и соответствует традиционным полоролевым мужским стереотипам. В отличие от мужчин, у молодых женщин значения средних групповых показателей феминности и маскулинности не имели достоверных различий (257 ± 6 против 243 ± 6 баллов), причем показатели «женской» и «мужской» маскулинности оказались практически одинаковыми. Таким образом, уже на данном этапе анализа мы могли говорить о различиях в гендерных психологических конструкторах современных молодых мужчин и женщин и, в общем, меньшей сформированности гендерных качеств мужчин.

Ниже представлены данные о распределении юношей и девушек, участвовавших в исследовании, по степени выраженности гендерных конструкторов (табл. 1) и по гендерным типам личности (табл. 2).

Таблица 1
Распределение участников исследования по степени выраженности гендерных конструкторов, %

Пол	Феминность		Маскулинность	
	высокая	низкая	высокая	низкая
Юноши	36	64	48	52
Девушки	83	17	56	44

Как показали результаты определения гендерных качеств участников исследования, современные молодые мужчины и женщины с практически равной вероятностью могут иметь как высокую так и низкую степень выраженности маскулильных качеств. Однако только 17 % мужчин – участников исследования – могли быть отнесены к традиционному маскулинному типу, когда хорошо выраженные маскулильные качества сочетаются с существенно более слабо сформированными феминными (диапазон значений 20–90 баллов). В два раза больше мужчин (31 %) имели андрогинный тип личности, которому свойственна примерно равная высокая сформированность маскулильного и феминного конструкторов (балльные оценки выше 230). Однако практически половина (47 %) молодых людей, принимавших участие в исследовании, относились к неопределенному гендерному типу, для которого характерно существенное снижение выраженности маскулильных качеств (балльные оценки ниже 190) в сочетании с еще низкой степенью выраженности феминных (диапазон значений 100–180 баллов).

Такой характер трансформации гендерных качеств личности не может рассматриваться как личностно благоприятный. Как установлено в исследованиях Е. Соколовой с соавторами [17], дефицитарность гендерных психологических качеств (которая, возможно, является частным признаком иска-

Таблица 2
Распределение участников исследования
по гендерным типам личности, %

Пол	Тип			
	фемин- ный	маску- линный	андро- гинный	неопреде- ленный
Юноши	5	17	31	47
Девушки	35	8	48	9

жения образа «Я»), влечет за собой дефекты функций саморегуляции и обуславливает снижение адаптационных социальных способностей личности неопределенного типа по сравнению с другими гендерными типами.

Как уже отмечалось, результаты нашего исследования указывают на лучшую, в общем смысле, сформированность гендерных психологических конструктов у современных молодых женщин (табл. 1 и 2). Только у примерно каждой десятой участницы исследования диагностировался неопределенный гендерный тип. Для подавляющего большинства молодых женщин была свойственна высокая степень выраженности феминных конструктов. Более чем в трети случаев участницы исследования (т.е. в два раза чаще, чем мужчины) сохраняли принадлежность к традиционному феминному типу гендерной роли. А у половины из них определялась примерно равная высокая сформированность маскулинного и феминного конструктов, что соответствовало разным вариантам андрогинии.

Маскулинность и феминность, как известно, соотносятся с понятиями инструментальности и экспрессивности. Инструментальность проявляется в ориентации личности на достижение целей и устойчивости к эмоциональным реакциям окружающих. Экспрессивность состоит в направленности интересов личности непосредственно на ситуацию межличностного взаимодействия с учетом эмоциональных реакций окружающих. Личности андрогинного типа, сочетая в себе инструментальную и экспрессивную компетентности, обладают в условиях современной культуры большей социальной гибкостью и адаптивностью [5, 18–20], поскольку способны в зависимости от контекста ситуации гибко менять свое поведение и переходить от традиционно женских занятий к мужским, и наоборот.

Таким образом, результаты определения гендерного типа личности юношей и девушек, принимавших участие в исследовании, позволяют сделать вывод о том, что в условиях современного российского общества имеют место процессы усвоения молодежью гендерных установок и паттернов поведения, традиционно свойственных противоположному полу. При этом молодые женщины демонстрируют более продуктивное разрешение процесса становления андрогинии, в большинстве своем сохраняя высокую выраженность феминных качеств, свойственных их традиционной гендерной роли, а значительная часть молодых мужчин преодолевает процесс становления андрогинии в ущерб проявлению маскулинных черт.

Литература

1. Bandura A. Social learning theory. Engelwood Cliffs, N.Y., 1977.
2. Kagan J. Aquisition and significance of sex-tipping and sex-role concepts and attitudes // Review of Child Development Research / (Eds.) Hoffman L.W., Hoffman M.L. N.Y., 1964.
3. Kohlberg L. A cognitive-development analysis of children's sex-role concepts and attitudes // The Development of Sex Differences / Ed. Maccoby E.E. Stanford, 1966.
4. Maccoby E.E. Gender and relationships: a development account // American Psychologist. 1990. Vol. 45.
5. Bem S. The lenses of gender: transforming the debate on sexual inequality. New Haven, 1993.
6. Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001.
7. Кон И.С. Психология половых различий // Вопр. психол. 1981. № 2.
8. Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1989.
9. Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996.
10. Клецина И.С. Гендерная социализация: Учеб. пос. СПб., 1998.
11. Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988.
12. Визгина А.В., Пантеев С.Р. Проявление личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин // Вопр. психол. 2001. № 3.
13. Либин А.В. Дифференциальная психология на пересечении европейских, российских и американских традиций. М., 1999.
14. Касьянова К.Н. О русском национальном характере. М., 1994.
15. Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. СПб., 2000.
16. Гаврилица О.А. Ролевой конфликт работающей женщины: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
17. Соколова Е.Т. и др. Связь феномена диффузной гендерной идентичности с когнитивным стилем личности // Вопр. психол. 2002. № 3.
18. Parsons T. et al. Socialization of achievement attitudes and beliefs: Classroom influences // Child Development. 1982. Vol. 53.

19. Исаев Д.Н., Каган В.Е. Половое воспитание детей. Л., 1988.

20. Spense J.T., Helmrich R. Androgyny vs gender schema: A comment on Bem's gender schema theory // Psychol. Rev. 1981. Vol. 88.

К.Г. Языков*, Е.В. Немеров**, А.В. Данилец***

ЛИЧНОСТНЫЕ ДИСПОЗИЦИИ ПРИ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОМ РАССТРОЙСТВЕ

*Томский государственный педагогический университет

**Сибирский государственный медицинский университет

***Научно-исследовательский институт психического здоровья ТНЦ СО РАМН

Исследования психогенно-индуцированной бронхиальной астмы (ПИБА), мультифакториального заболевания сосредоточиваются на таких принципиальных направлениях, как выявление соотношения психогенных и конституциональных факторов: собственно психогении, соматизации, границ диагностических категорий и критериев разделения ПИБА с другими формами бронхиальной астмы (БА).

Неопределенность статуса ПИБА в систематике форм бронхиальной астмы связана с тем, что ее клинический феномен тесно переплетен с психологическим. Во многом ПИБА выступает как генерализованная патологическая реакция личности, включающая различные психические процессы: эмоции, восприятие и мышление. ПИБА выступает как «дыхательная» форма реагирования человека как психобиосоциальной целостности.

Согласно точке зрения Е. Райзмана [1], можно определить ПИБА как психический феномен, проявляющийся в телесной сфере. Отмечается, что переживание телесности (в данном случае затруднение дыхания) является, по всей видимости, неотъемлемой частью самосознания и, соответственно, любого его проявления, в том числе и клинического феномена.

Связанная с психологическими особенностями личности пациента ПИБА отличается по эффективности воздействия традиционных методов лечения бронхиальной астмы, таких как гормональная терапия, что предполагает иную врачебную тактику выздоровления. Так, в зависимости от связанного с бронхиальной астмой психопатологического расстройства применяют транквилизаторы, антидепрессанты, психотерапевтические практики.

Это связано с тем, что психопатологическая характеристика больных БА указывает на присутствие значительного числа аффективных расстройств в виде депрессии невротического уровня, чаще как субдепрессии, скрытой депрессии, средневыраженной депрессии у акцентуированных личностей, или депрессивных расстройств при неврозах [2].

Цель исследования – выявление свойств личности пациентов, страдающих психогенно-индуциро-

ванной бронхиальной астмой, как наименее изученной формы психической адаптации, связанной с особенностью выражения психологических факторов в телесной сфере.

Материалы и методы исследования. Были обследованы 131 больной бронхиальной астмой, диагноз которым был поставлен согласно общепринятым критериям, разработанным в рамках международного консенсуса «Глобальная инициатива астмы» [3]. Все пациенты были распределены в три группы.

Основную, *первую группу* ($n = 54$), условно названную БА (психогенно-индуцированная, **ПИБА**), составили лица, у которых ведущий элемент болезни, первый приступ удушья развился после перенесенного эмоционального стресса, психотравмирующего жизненного события (согласно опроснику жизненных событий [4]). Дальнейшее резкое ухудшение течения болезни было связано с психологическими проблемами негативного характера.

Во *вторую, контрольную группу* больных с БА (непсихогенной, **БАНп**) вошли лица ($n = 19$) с «классической» БА, преимущественно атопической формой заболевания, у которых в начале болезни наблюдались различные проявления атопии (риниты, конъюнктивиты, кожные высыпания). К обострению болезни приводили чаще аллергии, вирусные инфекции, физические факторы (холодовые, колебания метеоусловий), а не психологические факторы.

Третья группа (вторая контрольная, $n = 58$) (БА соматизированная, психогенная, **БАСп**) состояла из больных, обычное течение заболевания у которых изменилось после психологического стресса, и в дальнейшем приступы астмы стали чаще возникать после психотравмирующих жизненных ситуаций.

В процессе обследования использовались методики: Миннесотский многофазный личностный опросник (ММРП), адаптированный Ф.Б. Березиным; 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (методика «16-ФЛО-105-С») [5].

Результаты исследования. В порядке следования представлены (табл. 1) значения шкал, определенные факторно-аналитическим методом Кеттелла